

полненная по эскизу, но без красок (тушью по бумаге) (Там же. С. 218).

³² Терминология Р. Бобрыка. См.: *Бобрык Р.* Схема и описание в научных текстах о живописи. Анализ или экфрасис? // *Экфрасис в русской литературе.* С. 180, 181.

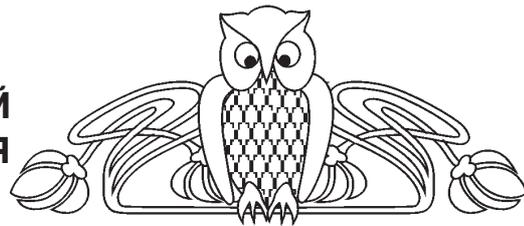
³³ Л. Ржевский справедливо отмечает, что внутренняя тема романа, которая в описании «Замка святого Грааля» воплощается иносказательно языком красок, до различных читателей дойдет по-разному. Им же она именуется «темой о б р а щ е н н о с т и к Н е б у (выделено автором. – Т. Д.)» (*Ржевский Л.* Творец и подвиг. С. 98). Ж. Нива также акцентирует внимание на вертикальном измерении пространства в «Граале», которое мистически «накладывается на злое концентрационное место. <...> Этот взгляд, уходящий ввысь в мистическом восхождении, – основа основ солженицынского видения, душа, поднимающаяся вопреки горизонтальной империи зла, триумф “тюрьмы” над “лагерем” <...>» (*Нива Ж.* Указ. соч. С. 175).

³⁴ Этот вариант истолкования картины в романе является для Э. Б. Мекша основополагающим. В докладе исследователя экфрасис «Замка святого Грааля» трактуется в сугубо идеологическом ключе – как «понимание со-

ветского периода русской истории» художником. Язык символов, в том числе характер изображения всадника, застывшего перед бездной, интерпретируется однолинейно, по сути, аллегорически. Так, готовность лошади «по воле всадника, и попытаться и перенестись» прочитывается как воплощение исторической ретроспекции и перспективы, для которых «точкой отсчета является сталинское время» (Мекш Э. Указ. соч. С. 181). При этом смысл изображения расшифровывается через проекцию на фальконетовский памятник, а также на образы советского искусства: «Эскизный вариант картины Кондрашева ориентирован и на знаки советской культуры, в частности на расхожий образ красноармейца в “богатырке” (названной позднее “буденовкой”), наиболее наглядно воплощенный в знаменитом плакате Д. С. Моора “Ты записался добровольцем?” (1920), и на конные монументы 1953 года, примером которых может служить памятник Юрию Долгорукому С. М. Орлова, А. П. Антропова и Н. Л. Штамм, открытый в дни кенгирского восстания» (Там же). Трудно согласиться с подобным осмыслением произведения, которое вдохновлено легендами о Парсифале, Лоэнгрине, Священном Граале и их «отражениями» в искусстве.

УДК УДК 821.161.1.09-31+929[Солженицын+ Успенский]

РОМАН «В КРУГЕ ПЕРВОМ» В АСПЕКТЕ ДИСКУРСИВНОГО ОТРАЖЕНИЯ КОНЦЕПЦИЙ РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

А. В. Кречетова

Коми государственный педагогический институт, Сыктывкар
E-mail: ANV_@inbox.ru

В статье рассматривается проблема отражения идей российского либерального движения предоктябрьского периода в романе А. И. Солженицына «В круге первом». Автор отмечает существенную значимость данных концепций в концептуальной структуре романа, их взаимосвязь с развитием темы российского крестьянства в данном произведении А. И. Солженицына.

Ключевые слова: А. И. Солженицын, Глеб Успенский, либеральное движение, крестьянство, литературный дискурс.

Novel «The First Circle» in the Aspect of the Discursive Reflection of Concepts of the Russian Liberal Movement of the End of the XIXth and the Beginning of the XXth Centuries

A. V. Krechetova

The article dwells on the issue of how the ideas of the Russian liberal movement in the pre-October period are reflected in A. I. Solzhenitsyn's novel «The First Circle». The author points out that those concepts are significantly meaningful in the conceptual structure of the novel; the interrelation of the concepts with the development of the theme of the Russian peasantry in this work by A. I. Solzhenitsyn is highlighted.

Key words: A. I. Solzhenitsyn, Gleb Uspensky, liberal movement, peasantry, literary discourse.

В современном литературоведении история российского либерального движения по-прежнему остается одной из малоизученных страниц. Причины этого достаточно очевидны: негативное отношение к либеральным концепциям со стороны официальных структур сохранилось в стране на всем протяжении послеоктябрьского периода. Между тем история развития российского либерального движения весьма показательна – как история осознания значительной частью общества бесперспективности революционного переворота в России.

К концу XIX – началу XX в. в политическом поле России складывается множество идеологических направлений. Выдающиеся представители российской культуры, деятели искусства и науки размышляют о пути дальнейшего развития страны. Различные слои общества связывают свои надежды с созывом Учредительного собрания. О предоктябрьских событиях напоминает в романе «В круге первом» судьба тверского родственника Иннокентия Володина – его дяди Авенира, который был участником демонстрации в поддержку Учредительного собрания в Петрограде 5 января 1918 г. и оказался очевидцем тех событий, которые замалчивались в последующие десятилетия.

Вынужденно допустив выборы в Учредительное собрание, большевики, вместе с тем, не

сумели набрать того числа голосов, которое было юридически необходимо для управления страной. Как пишет Б. П. Балув в работе «Либеральное народничество на рубеже XIX–XX вв.», во время этих выборов, т. е. «во время легитимного волеизъявления народа после Октябрьского переворота»¹ из общего числа тех, кто принял в них участие, «лишь 24 % проголосовали за большевиков»² под жестким давлением новой власти. Роспуск Учредительного собрания оказался одним из поворотных моментов в истории страны. Для России наступает эпоха тоталитаризма. Следует отметить, что историко-культурный дискурс данного периода, а также предшествовавших ему десятилетий по-прежнему изучен не полностью, наследие ряда популярных в прошлом литературных и общественных деятелей не переиздавалось, содержание их творчества по-прежнему нуждается в реинтерпретации. Обращая внимание на актуальность данных вопросов, представляется необходимым подчеркнуть следующее. Совершенно очевидно, что невозможно реконструировать исторический контекст эпохи, обходя вниманием факты, которые не укладываются в социально-политические клише.

Практически сразу после октябрьских событий 1917 г. в России начинается закрытие печатных органов, близких к либеральным кругам. Данные общественные направления рассматриваются новой властью как чуждые и враждебные по своей идеологии. Слово «либерал» получает все более негативный оттенок.

В романе А. И. Солженицына весьма показателен спор Глеба Нержина и Льва Рубина о либерализме и о ленинской цитате из статьи «Памяти Герцена», касающейся данного общественного направления. «Что?? – восклицает Нержин, – это – язык великого философа? <...> Либерализм – это любовь к свободе, так он холуйский и грязный. А аплодировать по команде – это прыжок в царство свободы...?»³

Несправедливо будет сказать, что либеральные идеи после Октября оказались целиком забыты российской интеллигенцией. Осмысление данных концепций продолжалось, приобретая подчас остроту и политический резонанс, оказывалось необходимым и общественно значимым. Противостоя официальным политическим теориям, идеи российского либерализма, переосмысленные спустя несколько десятилетий, приобрели в эпоху застоя новое звучание, не утратив своей общественной актуальности. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что осмысление данных концепций проходило практически исключительно на художественном уровне. Находя для себя в этом случае более обширную читательскую аудиторию, данные концепции испытывали весьма серьезное противодействие официоза, а художники, развивавшие их, – давление государственной идеологии. Среди писателей, обращавшихся к теме развития либеральных идей в России, не-

сомненно, следует в первую очередь назвать А. И. Солженицына.

А. И. Солженицын предпринимает серьезные исторические изыскания, изучает обширный архивный материал и, что еще более ценно, выступает как человек, имевший возможность заслушать свидетелей той далекой эпохи.

Восстановить картину минувших событий, осмыслить, что произошло со страной в первые десятилетия XX в., – вот цель, которая владела этим выдающимся художником на протяжении его творчества. О важности данной задачи размышляет центральный персонаж романа «В круге первом» Глеб Нержин. В его характере автор отмечает присутствие «неумичивого чувства на отгадку исторической лжи» (213).

Нержин, один из наиболее значимых персонажей в творчестве А. И. Солженицына, понимает, насколько важно воскресить невозвратное былое, понять, какой была прежняя Россия и какой она никогда не была. Он убежден, что события, которые происходили в стране в конце XIX – начале XX столетия, если прямо не искажаются, то, во всяком случае, все больше окутываются покровами тайны и молчания. «Для Глеба <...> всю его молодость гремел немой набат! – и неисторжимо укоренялось в нем решение: узнать и понять! Откопать и н а п о м н и т ь ! (разрядка А. И. Солженицына. – А. К.)» (213). В начале XX в., – размышляет Нержин, – «Россия, впервые взлетев к невиданной свободе, сейчас же и тут же оборвалась в худшую из тираний» (28).

Жесткие преследования обрушиваются на российское либеральное движение после Октябрьского переворота. В стране ширилась волна политических репрессий. Под лозунгом борьбы с «врагами народа» уничтожались сотни тысяч человек. «И вечерами на бульвары родного города... Глеб ходил мечтать, как он когда-нибудь проникнет в самую Большую и самую Главную тюрьму страны – и там найдет следы умерших и ключ к разгадке» (213). Желание Глеба Нержина исполнилось, и он действительно «встретил тех самых, еще уцелевших, кто не удивлялся его догадкам, а имел в сотню раз больше, что рассказать» (213).

Среди исследований, посвященных истории либерального и либерально-народнического движений, следует отметить, в частности, работы И. Д. Осипова, И. А. Книгина, Б. П. Балужева. Как отмечает Б. П. Балув, «подавляющее большинство либеральных народников не приняли Октябрь, в том числе их тогдашние лидеры В. А. Мякогин и А. В. Пешехонов...»⁴ Более того, практически все они «активно противодействовали большевизму, оказались по другую сторону баррикад во время гражданской войны и затем в эмиграции»⁵.

Вопрос о народе, несомненно, оставался центральным для российского общества на протяжении всего периода, предшествовавшего революционным событиям в стране. При этом

понятие «народ» подразумевало в себе, прежде всего, крестьянство, которое вплоть до 40–50-х гг. XX в. составляло большую часть населения страны. Продолжая лучшие традиции литературы XIX–XX вв., к вопросу о народе, к размышлениям о жизни российского крестьянства на протяжении всего творчества обращался А. И. Солженицын. До революции Россия, несомненно, являлась одной из самых богатых в сельскохозяйственном отношении стран. К началу 1930-х гг. она продолжает оставаться по преимуществу аграрной страной. Вместе с тем после Октября отношение к крестьянству в России оказывается весьма сложным. Как отмечают исследователи, большевики всегда считали крестьянство мелкобуржуазной стихией, относились к нему как к силе косной, в массе своей противостоящей революции⁶.

Весьма значительный интерес в связи с разработкой в русской литературе темы крестьянства представляет судьба творческого наследия такого художника, как Глеб Успенский. В советский период интерпретация творчества этого, одного из наиболее читаемых в 1870–1890-е гг. литератора, должна была полностью соответствовать политическим задачам нового строя. Практически неизученным осталось влияние либеральных и либерально-народнических идей на творчество Глеба Успенского. Среди наиболее значимых работ советского периода по его творчеству следует назвать книгу А. Д. Камегулова «Стиль Глеба Успенского» (Ленинград : ЛАПП «Прибой», 1930), который относит Успенского к представителям «мелкобуржуазной разночинной интеллигенции»⁷. Общественным идеалам этого писателя, отмечает Камегулов, не суждено было реализоваться⁸. Отметим, что сам автор данной работы погиб в 1938 г, став жертвой сталинских политических репрессий.

Для эпохи последних десятилетий XIX в. Глеб Успенский оказывается во многих отношениях знаковой фигурой. Выступая против революционного пути развития событий, он всегда оставался художником, размышлявшим о судьбе народа и судьбах страны. Возможно, при более пристальном внимании российской интеллигенции к содержанию его произведений в российском общественно-политическом поле предоктябрьского периода могли бы сгладиться некоторые противоречия.

Как представляется, данный художник мог стать одной из фигур, примиряющих крайности, которые впоследствии стали одной из причин жертв революционного и послереволюционного периодов. Между тем в советский период позиция Г. И. Успенского по вопросу о роли интеллигенции в прогрессивном развитии общества нередко трактовалась как ошибочная. В частности, в Комментариях к т. IX Полного собрания сочинений Г. И. Успенского (М.: Изд-во АН СССР, 1940–1954) говорится следующее: «Успенский делает неверные выводы: интеллигенция,

по его мнению, может изменить исторические судьбы народа, может улучшить его положение в условиях существующего строя, если она честно возьмется за дело служения народу»⁹. Данная цитата следующим образом характеризует позицию Г. И. Успенского: писатель понимал, что народная жизнь нуждается в улучшении, и в то же время был убежден, что изменить положение крестьянской массы можно и в условиях существующего строя, если интеллигенция будет рассматривать заботу о народном благе как важнейшую цель.

Ряд исследователей отмечали, что идеологический догматизм не был присущ этому художнику. «Разрушитель иллюзий» – называла писателя прижизненная критика¹⁰. Укажем на определенное тяготение Г. И. Успенского к изданиям либерального направления в 1880-е гг.: с 1885 г. он сотрудничает в органах либеральной печати: газете «Русское слово» и журнале «Русская мысль» (отметим, оба издания закрыты после Октябрьской революции 1917 г.). Писатель негативно относился к социальным утопиям, что наиболее ярко проявилось в таких его произведениях как «Крестьянин и крестьянский труд», «Равнение “под одно”» и др. Многие исследователи, в том числе в советский период, подчеркивали религиозность Г. И. Успенского. Писатель говорил о необходимости внимания к отдельной личности, а не к обобщенным социальным концепциям. О его произведениях положительно отзывался, в частности, либеральный журнал «Вестник Европы»¹¹.

Небезынтересен тот факт, что оба лидера либеральных народников, названные в книге Б. П. Балуева «Либеральное народничество на рубеже XX–XIX вв.», В. А. Мякотин и А. В. Пешехонов, являются авторами литературно-критических статей о творчестве Г. И. Успенского, в которых его произведениям дается весьма высокая оценка¹². В период февральских событий А. В. Пешехонов занимает пост министра продовольствия во Временном правительстве. Впоследствии оба они (так же как еще один известный автор статьи о Г. И. Успенском – Ю. И. Айхенвальд) высланы из России на так называемом «философском пароходе» (1922 г.). Отметим, что о В. А. Мякотине и А. В. Пешехонове как о борцах с новым послеоктябрьским режимом упоминает А. И. Солженицын в своем труде «Архипелаг ГУЛАГ»¹³.

Несомненно, в творчестве А. И. Солженицына тема народа, крестьянства репрезентируется как одна из центральных. Данная тема является одной из ключевых также для романа «В круге первом». Образ Спиридоны Егорова раскрывается в произведении как один из наиболее значимых. Продолжая линию повести «Один день Ивана Денисовича», писатель создает образ типичного российского крестьянина, одного из миллионов. Бурными событиями эпохи он оказался оторван от земли, воевал, прошел немецкий плен и вернулся на Родину. Он верит, что в стране, вынесшей на своих плечах тяжесть войны, многое должно стать

по-другому. Но надежды его не оправдываются. Вместо того чтобы вернуться к крестьянскому труду, Спиридон Данилович оказывается дворником марфинской «шарашки».

Небезынтересно само имя – Глеб, которое выбирает А. И. Солженицын для центрального героя романа «В круге первом». Данный персонаж по своим убеждениям оказывается между двумя антагонистическими направлениями политического движения: консервативным и революционным. Его позиция – понять личность не с точки зрения ее принадлежности к политическому лагерю, а, прежде всего, увидеть в ней проявления общечеловеческого нравственного начала. Как представляется, неслучайным является сюжетное положение, когда Глеб Нержин оказывается между двумя непримиримыми противниками – Рубиным и Сологдиным – как между двумя полюсами минувшей гражданской войны. Данный герой занимает компромиссную позицию, стремясь примирить крайности между антагонистическими общественными лагерями:

«И дальше, и дальше они неслись, уже теряя расстановку доводов, связь мыслей последующих и предыдущих, совсем не видя и не ощущая этого коридора, где... так видны были их встревоженные размахивания рук, воспламененные лица <...>

– Глеб!..

– Глеб!.. – наперебой позвали они, увидев, как с лестницы... вышли Спиридон и Нержин.

Они звали Глеба, каждый в нетерпеливом ожидании удвоить свою численность. Но он и сам уже направлялся к ним, в тревоге от их возгласов и размахивания...» (424).

– Это – кровью пахнет! – сжал Рубин кулаки, волосатые у кистей.

Говорить дальше, или даже душить, или даже бить друг друга кулаками – все было слишком слабо. После сказанного надо было хватать автоматы и строчить, ибо только такой язык мог понять второй из них.

Но автоматов не было» (427).

Хорошо известно, что в русскую литературу Г. И. Успенский вошел как писатель-скептик. Хрестоматийными являются высказывания критики о скептицизме, который всегда был свойствен этому художнику и определяется как наиболее характерная черта его мировоззрения. Именно в скептицизме упрекает Нержина Рубин (39). Статья «Памяти Герцена» упоминается Рубиным именно в связи с цитатой о скептицизме (40). Рубин напо-

минает Глебу Нержину цитату из данной статьи: «...скептицизм есть форма перехода от демократии к ...либерализму» (40). Как представляется, герой романа А. И. Солженицына Глеб Нержин не считает скептицизм надежной опорой мировоззрения. Он стремится понять, на что может опереться человек в эпоху катастроф.

XX век, несомненно, заставил размышлять о соотносимости понятий «цивилизация» и «гуманизм». Как представляется, содержание романа «В круге первом» свидетельствует о том, что сам по себе скептицизм еще не создает положительных ценностей: он лишь помогает их поиску. А. И. Солженицын словно стремится убедить читателя: человек не может жить без нравственных опор. Эти нравственные опоры на протяжении многих трагических десятилетий XIX и XX вв. пытались отыскать все российское общество, а вместе с ним искала и находила эти опоры литература.

Примечания

- ¹ *Балуев Б.* Либеральное народничество на рубеже XIX–XX вв. М., 1995. С. 13.
- ² Там же. С. 13.
- ³ *Солженицын А.* В круге первом. М., 2006 («Литературные памятники»). С. 40. Далее цитируется это издание с указанием страницы в скобках.
- ⁴ *Балуев Б.* Указ. соч. С. 13.
- ⁵ Там же.
- ⁶ См.: *Доброноженко Г.* Коми деревня в 30-е годы XX века : политические репрессии и раскулачивание. Сыктывкар, 2007. С. 5–10.
- ⁷ *Камегулов А.* Стиль Глеба Успенского. Л., 1930. С. 154.
- ⁸ Там же.
- ⁹ *Успенский Г.* Полн. собр. соч. : в 14 т. Т. IX. М., 1949. С. 649.
- ¹⁰ См.: *Скабичевский А.* Глеб Успенский как разрушитель иллюзий // Русь. 1882. № 3. С. 21–22.
- ¹¹ См.: *Арсеньев К.* Лесная правда и высшая справедливость – Глеб Успенский : Власть земли. Очерки и «отрывки из памятной книжки» (Москва, 1883) // Вестн. Европы. 1883. № 10. С. 693.
- ¹² См.: *Пешехонов А.* Из истории чести и совести (По Гл. И. Успенскому) // На славном посту (1860–1900) : лит. сб. СПб., 1901 ; *Мякотин В.* Из истории русского общества. 2-е изд. СПб., 1906.
- ¹³ См.: *Солженицын А.* Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования : в 3 т. Т. 1. Екатеринбург, 2006. С. 305, 346.